

НАДЕЖДА ВОЛКОВА

ПО ТУ СТОРОНУ ФОРТУНЫ

КНИГА 2. ЗАКОН МЕРФИ

16+

Надежда Волкова
По ту сторону фортуны.
Книга 2. Закон Мерфи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45664610

SelfPub; 2021

Аннотация

Вторая книга о приключениях двух самых обычных женщин, то и дело попадающих в разные истории. Казалось бы, что может ещё случиться? Но фокусница Фортуна вытаскивает всё новых и новых зайцев из шляпы: обиды, отчаяние, надежду, любовь. Неисправимый дух авантюризма толкает героинь вперёд. Хорошо это или плохо? Кто знает? Две оптимистки, крепко держась за руки, вытаскивают себя из любых передряг и идут дальше. А всё почему? Ответ прост: "Дорога, лишённая препятствий, обычно ведёт в никуда" (наблюдение Дефалькуа).

Надежда Волкова

По ту сторону фортуны.

Книга 2. Закон Мерфи

Нет более тяжкого бремени,
чем собственный большой потенциал.

(Закон Лайнуса.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я курсировала по треугольнику Калининград – Берлин – Флоренция. Энергии хоть отбавляй: успевала порешать дела в России, накашеварить на неделю в Германии, обихаживать гнёздышко в Тоскане. И раньше-то мне скучать особо не приходилось, но за прошедшие месяцы жизнь стала ещё круче. Сама себе завидовала и регулярно цыкала через левое плечо, чтобы не сглазить нахлынувшее счастье. Основным местом проживания, разумеется, стал Фьезоле. Я получила долгосрочную визу и могла беспрепятственно находиться на Апеннинском полуострове до шести месяцев в году, добросовестно изучала итальянский язык.

Старый дом ожил моими стараниями. Он стал не просто крышей над головой и основанием прочно укорениться в Европе, его тёплые, прогретые солнцем, стены стали родными. Клумбы во дворе разбивала собственноручно. Я наотрез отказывалась приглашать человека для этой работы, спори-

ла с Добрыней, подкрепляя слова активной жестикуляцией.

– Ты не понимаешь!.. Да, садовник профессионал, он делает в сто раз лучше, но там не будет души!

– Это так важно? – спросил он, блаженно развалившись на кровати и положив руки под голову.

– Конечно! Зачем нам это? Мы же не сквер на центральной площади разбиваем, хочется, чтобы у нашего дома был свой образ, – убеждала я, сидя рядом с ним на пятках.

– И копать сама собралась? Мозоли набьёшь, полопаются, – ответил он, посмеиваясь, и перехватил мою руку. – Загрубеют ладошки, будут как у старого крестьянина.

– Ой! Даже не подумала.... Ладно, мы только разметим, а садовник выкопает и виноградник омолодит.

– Намного лучше, – приглушённый голос и следом поцелуй моей ладони.

– Думаю, ещё фруктовый сад надо обновить, но цветы сажать сама буду!

– Конечно..., обязательно....

– Ну, я серьёзно!...

– И я.... Твои цветы и деревья потом...

– А в-виноградник?

– И виноградник....

В общем, я победила. Ранней весной приусадебные работы были закончены, двор постепенно запестрел всеми цветами радуги, превращаясь в очаровательный провинциальный уголок.

Покончив с благоустройством, я переключилась на поиски сведений о любимом доме. Усаживалась в читальном зале местного архива с итальянско-русским словарем и с головой погружалась в старые регистрационные формы и записи. Найти удалось не много, первое упоминание о нём датировано концом семнадцатого века. Жилище принадлежало благородному синьору Роберто Коваччи, потом дом продали и хозяева сменились несколько раз.

Раскопав эти данные, душа зашла в благоговейном экстазе. Я кинулась обзванивать дорогих людей, выплёскивая на них переполнявшие романтические чувства. Добрыне повезло больше всех и он первым принял удар на себя.

– Поздравляю! Моя прекрасная леди не только блестящий аналитик, историк и авантюрист, теперь ещё и архивариус! – голос перекатывался на другом конце трубки. За тысячу километров я чувствовала его добродушную ухмылку.

– Ну и крутяк, мамуль! Представляю, что чувствуешь!.. Игорь не поверит! Хочу скорее к тебе, соскучилась! – басыла дочь. Наверняка, Санькины глаза увеличились до размера футбольного мяча и она в спешном порядке звонит муженьку.

– Серьёзно? Кто бы мог подумать! Вот это да!.. Без меня на чердак не лезь, обещала! – отвечала Светик. Наверняка она уже мысленно паковала чемоданы и придумывала сто причин увильнуть от работы на пару недель.

– Великолепно, моя дивчина! Я решил отпуск устроить и

обязательно приеду, – сказал Лешек и я обрадовалась. Разделить торжество с поляком – удовольствие из особых, никто не мог оценить приложенных усилий так, как он.

Конец апреля. Я ждала гостей и торопилась ошкурить старинный комод из большой спальни. Перепачкалась с головы до ног в лаковой пыли, но не отвлекалась ни на еду ни на отдых. Оставалось ещё около часа до приезда первых членов разросшегося семейства, развозить грязь перед близкими не хотелось, да и задачи впереди стояли более важные. Я натянула на глаза защитные пластиковые очки и с удвоенным усилием принялась за работу. Шлифовальная машина жужжала, заглушая остальные звуки.

Рыжая Лиска сиганула за дом в кусты олеандра, держа в зубах единственного котёнка.

– Нет, ты можешь просто сидеть? – кричал от калитки Добрыня, пропуская вперёд Димку. Я обернулась, бросила работу и с возгласом «Олежка!» повисла у него на шее.

– Нормальные женщины только и мечтают ничего не делать. Давай, наконец, купим козетку? – сказал он и потёрся носом о мой нос.

– Зачем?

– Будешь возлежать на ней и томно обмахиваться веером.

Я засмеялась и сползла на землю. Надо же, запомнил! Такой тип софы мы видели в одном из дворцов во Флоренции.

– Привет, Димуль! – я переключилась на мальчишку и по-

целовала его в щёку, тот отозвался радостным приветствием, снимая очки.

– Хотелось бы увидеть тебя в спокойном состоянии, как ртуть. Мастерись без остановки, не надоело ещё, плотник? – сказал Добрыня, снова подхватил меня и оторвал от земли. Я висела на нём, состроив вредную гримасу, а он улыбался своей бесподобной улыбкой по-детски сморщив нос. – Привет, Кузька!

Глупое прозвище, против которого я бастовала, неизменно оставалось в нашем обиходе и означало наивысшую степень соскученности.

– На черепаху Тортиллу похожа. Снимать будешь или что-то прячешь за ними?

Я снова хихикнула и сдвинула на лоб средство защиты.

– Ничего не прячу, смотри, чиста, как ангел, только испачкала твои последние парадные штаны.

– А сейчас как сова взъерошенная, – сказал Добрыня и поставил меня на землю. – Не последние, портков у нас навалом. Если стиральную машину не раскурочила, то и с этими поправимо.

– Почему так рано? Немного осталось, доделаю. Холодильник битком забит, идите пока, сами перекусите.

Я снова натянула очки на глаза.

– А, что, ведро овсянки ты не наварила? – спросил любимый мужчина, с притворным удивлением глядя на меня, а я залилась от смеха. К своему особенному способу совмест-

ного существования мы приспособлялись долго. Мысли унеслись в недавнее прошлое.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Девять месяцев назад.

Первые три дня нашей общей жизни в Калининграде скрыты пеленой альковных радостей. До сих пор не могу вспомнить, что мы ели и пили. Наверное, как-то питались. Горячечный шёпот сменялся душевными излияниями, в основном, моими. Доложила ему всё, начиная с момента как мне перерезали пуповину и я впервые увидела окружающий мир.

Ещё он познакомился с Сашкой и Игорем. Глядя на мою дочь, Добрыня неуверенно спросил:

– Это точно твой ребёнок?

Мы с ней засмеялись. Натуральная блондинка с большими серо-голубыми глазами и пухленькими губками, Сашулька не похожа на меня ни капли, копия отец.

– Нам все так говорят, но я мамина, не сомневайтесь, – пояснила она и обратилась ко мне: – Он классный, берём!

Игорёк из-за спины показывал поднятый большой палец.

– Вы что-то путаете, юная леди. Это я вас беру вместе с котами, как довесок к вашей матери, не возражаете? – спросил польщённый богатырь, оглядывая моих деток.

– Нисколько! Нам мужчин в доме давно не хватает, Игорь один мается, – сказала Сашка, окончательно утвердив то ли

мой, то ли Добрынин выбор.

– Тогда сразу переходим на «ты».

Он протянул руку Игорьку, зятёк ответил крепким рукопожатием и я облегчённо вздохнула.

Отъезд Добрыни персональным трансфером в аэропорт Гданьска превратился для меня в душевную муку. Я затосковала, как только за ним захлопнулась дверь автомобиля. В тяжкую минуту верная подруга оказалась рядом и, не медля, приступила к воспитанию:

– Господи! На кого похожа?.. Скорбящая мадонна! Чернеешь на глазах! Что, втрескалась по уши? Кто упирался, как ненормальный – «сказок не бывает», «отстань со своим братцем»?

– Ну, я это была. Дальше что?

Я сбросила её руку и побрела домой. Добрыня даже не заикнулся о следующей встрече. Не мои коты, а какие-то чужие кошки заскреблись на душе.

– Когда собираешься? – спросила Светик, начав на ступеньках активно продвигать меня в сторону Германии.

– А никто и не звал. Уехал молчком, ни слова не сказал.

– Тебе приглашительный билет нужен? Сто раз званная!.. Ждёшь официальной бумаги? «Дорогая Наталья! Вы получили ангажемент в Германии на роль любимой женщины! Срок не определён, подробности сообщу позже!» – Светкин звонкий голос летел по подъезду. – Собирай вещи и шуруй следом, нечего котов охранять!

– Не могу. Вдруг, он вообще со мной жить не собирался?

– Так поглупела за три дня? Несёшь какой-то бабий бред!

Она не могла успокоиться и покрывалась пятнами от моего упрямства. Я заползла домой и села к окну, подперев кулаками щёки. Запах Добрыни въелся в воздух квартиры, сердце ныло и ныло.

– Страдалица, смотреть противно! Вот уж не думала, что тебя так развезёт! – сказала Света и достала из холодильника бутылку вина.

Булькнула смс-ка.

«Волнуюсь больше, чем ты. Забыл спросить – когда приедешь»?

Я выдохнула шумно, отгоняя раз и навсегда дурные мысли, и уткнулась в телефон.

«А когда надо»?

«Сегодня».

«Ой, я не успею»!

Улыбающийся смайлик в ответ и сразу же:

«Тогда завтра. Скинь паспортные данные, возьму тебе билет».

«У меня забот по горло. Месяц, не меньше», – отписалась я, наскоро прикидывая, как спланировать неотложные дела.

– Эй!.. Алё!.. Вообще-то, я тебя жду, – окликнула Света.

Она снисходительно улыбалась, головой указывая в сторону наполненных бокалов, и сказала:

– Давай, Натуль, за твоё счастье! Я сегодня без машины, можно разгуляться, повод значимый.

Я с неохотой отложила телефон. Что и говорить, Свете благодарна до неба и больше. Страшно подумать, если бы я с Добрыней не встретилась!

– Нет, давай лучше за тебя. Спасибо огромное, что настояла!

Мы выпили и Светик ненадолго задумалась.

– Что значит настояла? Я тебя к нему на аркане тащила. Хочешь, секрет открою? – заявила она, довольно усмехаясь и тарабаня ноготками по столу.

– Ну?

– Это я его в Сан Суси отправила! Ну, не совсем так, конечно. Олежка спросил, чем ты интересуешься. Естественно, сказала, что помешана на дворцах, дальше он сам. Знаю тебя как свои пять пальцев, захлебнёшься восторгом и растаешь как миленькая.

– Вот интриганка! Так ты всё подстроила?

– Почти.

– Тебе удалось. Действовала умело, использовала все струны моей тонкой души. Прямо играла на них, пианистка!

Телефон продолжал принимать смс-ки.

– Ладно, отвечай, всё-таки он мой брат, – разрешила Света, с одобрением кивнула и принялась за второй бокал.

«Две недели, столько продержимся».

«Паспортные данные не забудь».

«Ты где? Уже оставила»? – глупый задумчивый смайлик в конце.

«Наташ, всё в порядке? Начинаю беспокоиться»!

Меня снова захлестнуло, наверняка, выглядела глупо и смешно, но рядом лучшая подруга, а при ней можно быть хоть рыжим клоуном.

«Здесь я. Со Светой обмываем новую жизнь. Одновременно застольничать и писать не получается».

«От сердца отлегло.)) Четырнадцать дней и паспорт. Всё, мы на границе».

Две недели тянулись как столетия. Я была сама не своя, дёргала Свету бесконечными вопросами, вываливая на неё стосковавшиеся чувства. Она стойко терпела, понимая, что увязла я основательно без шанса выбраться.

– Свет, а чем он питается?.. Что готовить? Сама каши люблю, овощи разные, – я в очередной раз звонила и отрывала её от работы.

– Ну, ты даёшь! Он здоровый мужик, у него твоя цыплячья пшёнка проскочит, не задерживаясь. Тушёные кабачки – тоже не вариант, быстро ноги протянет. Не изводи себя, набери его и спроси, делов-то.

– Ох!.. Точно!

Я с радостью переключалась на другой абонентский номер:

– Привет, а что ты ешь?

Сердце замирало в истоме после ответного «алло».

– Привет! В смысле?.. Ничего не ем, работаю, – отвечал счастливый баритон на другом конце линии.

– Как, совсем ничего? – заслышав его голос, глупела как сто глупцов.

– Что ты имеешь в виду? В данный момент или в принципе?

– Ну да! Что ты любишь?

– Хорошеньких женщин люблю, на завтрак, обед и ужин. Ох, полдник пропустил! – он громко смеялся в трубку, я сердилась.

– И много их в твоём меню?

– Пока ни одной, но хотелось бы побольше.

– Тогда сделай заказ через интернет, весь рацион тебе упакуют и доставят в лучшем виде.

– Ни к чему! Скоро итак всё на блюдечке получу, – отвечал он, веселясь от души, я злилась.

– Тогда, зачем так говоришь?

– Затем, что ты спрашиваешь и хочешь это услышать.

Моё негодование перерастало в глухие рычащие звуки типа «гмм...», но трубку не бросала. Добрыня расходился на всю катушку, оглушая громким смехом. Я не выдерживала и тоже смеялась, злость как рукой снимало.

– Не волнуйся, с удовольствием съем всё, что выйдет из твоих рук.

– Даже цианистый калий? – ехидничала я. Ну не могу ему позволить просто так выиграть, такая вот противоречивая

женская натура.

– Собралась мне десерт из отравы поднести? К утреннему кофе? – спрашивал он и снова хохотал. – Вроде бы, я ещё не успел напортачить.

– Пока нет, но кто знает? Вдруг, ты Синяя борода?

– Не синяя и не зелёная, и, вообще, никакая я не борода. Давай сделаем так, ты оставляешь свои банки с ядами в Калининграде, к твоему приезду я скуплю всё, что найду в магазинах. Разберёмся, не переживай.

– Ну да, волнуюсь как перед первым выходом в свет, – я вздыхала и мысленно составляла ассортимент из мясных блюд.

– Предлагаю такой вариант: если тебя что-то беспокоит, выкладываешь сразу. Вместе что-нибудь придумаем. Идёт?

– Ой, замечательно! Только... только я тебя одолею своими сомнениями, со Светой постоянно из-за этого ругаемся.

– Ну, значит, закончу жизнь великим мучеником, – быстро следует ответ и опять веселье на другом конце линии.

– А ты помирать собрался? Сейчас нельзя, у нас самое начало.

– А когда надо?.. В середине? Ты сигнал подашь или я сам должен догадаться? Проснусь однажды, посмотрю на тебя и пойму: пришло время испустить дух.

– Что ты глупости говоришь?

– А ты?

И снова всё заводилось с пол оборота, болтать мы могли

бесконечно, пока Добрыня не спрашивал:

– Можно мне немного поработать? За это хорошие деньги платят.

– Можно! – говорила я и отключалась совершенно счастливая.

Как-то быстро он перенял нашу манеру общения. Не занудничал, поймал волну и плескался вместе с нами в бескрайнем море шуток и приколов. Хотя, Света сказала, Олежка и раньше таким был до женитьбы. Её рассказам об их детских шалостях я внимала жадно, как путник, припавший к роднику после долгой дороги в пустыне. Втягивала в себя мельчайшие штрихи его характера. Светик посмеивалась и обрисовывала братца в ореоле хулиганистого, но благородного рыцаря. А, может, я так воспринимала. Думала, почему жизнь так несправедлива? Где я была, когда он отмерял студенческие шаги по улице Невского до площади Василевского? Мы бы столкнулись лоб в лоб где-нибудь на перекрёстке и всё было бы по-другому. Потом успокоилась. Может, он бы меня и не заметил, если за писаной красавицей в то время охотился. Так, наверное, правильно. Зато сейчас легко можно пропустить конфетно-букетный период, обойтись без увертюры и сразу с головой окунуться в романтическую пьесу.

Субботним утром Света подъехала к моему подъезду на новеньком «Тигуане», Тигре. Мы планировали с утра заскочить к Лешеку, вручить итальянский подарок, а после обеда

она должна была отвезти меня в аэропорт Гданьска. Я потискала животных, зятёк взял чемоданы и мы вышли из дома.

– У тебя поживём, неизвестно когда вернёшься, – сказала дочь и обняла меня перед дорогой. – Замучилась бегать после работы, не успеваю лотки убирать. Ещё кормить их надо, коты голодные сидят. Ты смотри, Олега там не обижай, он нормальный.

– Будь спокойна, пальцем не трону, – заверила я и переключилась на Игоря. Поцеловала его и сказала: – Береги мою дочь.

– Что вы, мама! Только этим и занимаюсь. Поезжайте, с Богом, в свои Европы.

– Всё?.. Слезы лить начнёшь или на сухую обойдётся? – подвела итог Света, открыла багажник и повернулась к ребятам. – Дети, ваша мать совсем свихнулась от счастья, психика у неё поехала. За восемь лет ни разу таких грехов за ней не наблюдала.

– Мы не обращаем внимания, тётъ Свет. Потому и хотим, чтобы скорее уехала. Может, быстрее в себя придёт. Счастливого пути! – сказала Сашка.

Я ещё раз поцеловала ребят и мы отъехали. Наша дружная человеческо-кошачья семейка очень весёлая, всегда по ним скучаю. Я погрустнела.

– Боже!.. Ты же не в ссылку идёшь, как жены декабристов. К любимому мужчине летишь. Ну, долгожданная птица счастья, что опять? Чего такая хмурая? – спросила Света.

– Откуда я знаю?

– Сашка взрослая, Игорь надёжен, как скала. Ты же не на всю оставшуюся жизнь уезжаешь. Что происходит?.. Вообще тебя не узнаю!

– Какая-то сентиментальная стала, как тургеневская барышня.

Наивное состояние девичьей влюблённости мне не нравилось. Всё время приходилось бороться с собой в попытке вернуться к обычной жизни.

– Лучше дай порулить, ещё ни разу не пробовала, – попросила я в надежде отвлечься от глупых мыслей.

– Сейчас, выедем за город. Сама никак к габаритам не привыкну, чуть правый бок вчера не содрала.

Мы проехали знак «конец города» и поменялись местами.

– Ух, ты!.. Хорошая машинка!.. Хорошая!

Я наслаждалась вождением: лёгкий ход, разгоняется быстро, руление просто классное! Притопила педаль газа и автомобиль полетел вперёд, послушно отзываясь на любые манёвры.

– Давай, до Гдыни поведу, – предложила я. – Тут всего-то ничего!

– Слава Богу, возвращение Наташки с небес на грешную землю! Ну, если полегчало, то валяй.

Мы быстро прошли российскую заставу и подъехали к польскому пропускному пункту. На границе было пустынь-

но. Я открывала багажник, Света пошла на паспортный контроль.

– Пани Наташа? – удивлённый голос раздался за моей спиной, со стороны выхода из здания. Я повернулась.

– Ой, пан Марек!.. День добрый! Забыла вам позвонить.

Со всеми сердечными делами таможенник напрочь вылетел из головы. Улыбающийся пан майор широко раскинул руки, как старой знакомой, и я с большим удовольствием обняла поляка. Казалось, всё произошедшее с нами на этом КПП, было лет десять назад.

– Вы едины? Где есть пани Светлана?

Я кивнула в сторону пограничной будки. Надо же, как некрасиво получилось. Человек недавно помог, а у меня даже мысли не промелькнуло взять ему что-то в знак благодарности.

– День добрый, пан Марек! – поздоровалась Света, возвращаясь к машине.

Она улыбалась, поляк добродушно светился, поочередно поглядывая на нас, и сказал:

– Не надо показывать машину, всё есть добже. Звоните каждый раз, если будет моя смена, то пропушу. Как есть ваша голова? – обратился он к Свете.

Интересно, пан Марек ни разу не дёрнулся, как в прошлый раз. Видимо, мужчины устроены так, что неосознанно реагируют только на незнакомых женщин, Светка же для него стала почти как младшая сестра.

– Всё есть добже, пан майор, – ответила она, подняв большой палец, и устремилась к багажнику.

Я пошла на паспортный контроль и без всяких препятствий получила отметку. Светик вернулась с большим пакетом.

К нашей машине подтягивались пограничники и таможенники. Они останавливались неподалёку и с любопытством смотрели на происходящее.

– Небольшой подарок для вас, – сказала Света и протянула пану Мареку пакет.

– Мне? – с искренним изумлением переспросил он, ткнув себя пальцем в грудь. – Я не могу брать. Вы есть очень хорошие дивчины, не нужно.

Подруга усиленно старалась всучить ему пакет, поляк покраснел и отказывался принимать подношение. Какое-то время они передавали его из рук в руки, окружающие начали потихоньку посмеиваться.

– Не беспокойтесь, пан Марек, вы можете это взять, – обнадёжила Светик.

Она поочередно вытащила две банки и поставила их на капот, одна была с вишнёвым вареньем, другая с баклажанной икрой. Народ дружно захохотал и от умиления зааплодировал. В противовес стандартным наборам из красной икры и русской водки, подруга исхитрилась всучить презент в виде собственноручно изготовленной домашней консервации.

Пожилой пограничник выкрикнул по-польски:

– Возьми, Марек, эти дивчины должны тебе миллион злотых!

Я усмехнулась. Понятно, нашу историю здесь знают все, вплоть до пограничных ворон. Мы становимся легендарными личностями на польском переходе! Растроганный пан майор, засунул банки в пакет и кинулся обнимать нас по второму кругу.

Светик, удовлетворённая произведённым впечатлением, сияла как ясное солнце.

– Сама за руль сяду, хорошо? Потом поменяемся, – прошептала она.

Я чуть не рассмеялась, но сдержалась, чтобы не испортить её сольный выход. Мы распрощались с паном Марек, я уместилась на пассажирское сиденье и с интересом смотрела на зрителей. Света намеренно протирала боковое зеркало, тонкие изящные руки плавно перемещались по кругу. Окружающая толпа немного поредела, но большая часть мужчин оставалась на месте, наблюдая за сценой. Кто-то за толкал руки в карманы и стоял, чуть откинувшись назад, кто-то сложил их на груди. Один пограничник одновременно постукивал пяткой и крутил ключами, пан Марек излучал сияние, держа в руке пакет. Лица наблюдателей выражали крайнюю заинтересованность. Светик выдала ослепительную улыбку, сделала несколько взмахов ладошкой, грациозно села на водительское место и мы медленно отъехали от КПП. Поляки стройными рядами махали вслед.

– Ой, Свет... не могу, актриса, МХАТ по тебе плачет, – сказала я и, наконец, расхохоталась.

– А что? Замечаешь, как иногда полезно в обморок свалиться? Не мой трюк, ещё придворные дамы падали навзничь, утончённость показывали.

– У них корсеты сдавливали, кислорода не хватало.

– Всё равно, реакция моментальная. Кавалеры кидались к ним с флаконами уксуса. Кто первый подсунет эту вонючую гадость, тот и победил.

– Ну, пусть будет так. А ты молодечик, я даже не позаботилась о подарке.

– Где тебе думать? Только нельзя им взятки давать, иначе пан Марек вылетит с работы, как пробка. Видишь, как хорошо, что у нас есть я!

– Вижу, – сказала я и тяжело вздохнула.

– Что не так? Только смеялась.

Света притормозила на обочине и мы поменялись местами.

– Вот думаю..., что я там делать буду? Сидеть дома и Олежку ждать? С ума сойду от безделья.

– Ну, понеслась!.. Из огня да в полымя!.. Пирог пеки, он любит, не доехала ещё, а уже расстраиваешься. Не думай сейчас, попробуй сначала, а там посмотрим.

– Не знаю, так быстро всё..., не осознаю пока.

– Уймись ты... Он у нас парень чуткий, найдёт выход. Если не выдержишь, то вряд ли будет стреножить.

Тигр домчал до Гдыни за полтора часа. Дом Лешека находится в престижном районе на второй линии от моря, знаковая причудливая крыша показалась между кронами деревьев. Я припарковала машину на небольшой площадке, взяла пакет с подарками и мы вошли в дом. Обрадованный поляк суетился вокруг нас, стараясь усадить поудобнее в большие мягкие кресла.

– Светличка моя!.. Натушка! Как хорошо!

– Лешек, не мельтеши, у нас мало времени, – я призвала его к спокойствию и положила пакет на колени.

– Почему? Сегодня суббота, вы не останетесь, милощ моя?

Гостеприимный Светкин воздыхатель и по совместительству наш большой друг перевёл на подругу удивлённый взгляд и уселся перед нами на стул.

– В три часа нужно отвезти Натку в аэропорт, она улетает в Берлин, к моему брату, – Светик с важностью выдала главную новость дня. – У них любовь и всё такое.

Лешек повернулся ко мне и спросил:

– Что это значит?.. Так быстро? Ты не рассказывала.

– Надо было его с порога огорошить? Какая ещё любовь?.. – набросилась я на Свету.

– Обычная, между мужчиной и женщиной.

– Не придумывай! Пока только попытка. Что ты вечно вперёд паровоза?.. Неизвестно, что из этого получится.

– Можно подумать!.. А кто душою исстрадался за две

недели? Папа Римский? Все нервы мне вымотала своими расспросами! Что у вас может не получиться? Взрослые люди, дети выросли, живите себе да радуйтесь.

По большому счёту, она была права и спорить не хотелось. Определение бушующим чувствам я сама ещё не нашла, да и визит к Лешеку состоялся по другому поводу.

– Мой дорогой, как-нибудь потом, слишком длинная история. Лучше скажи, что думаешь об этом? – спросила я и протянула ему руку с браслетом.

Он внимательно рассматривал, придвинувшись ко мне и не притрагиваясь к украшению, затем сбегал за лупой и сказал:

– Можно снять?

Я расстегнула застёжку и бережно протянула ему ювелирное изделие. Лешек задыхался часто, изучая предмет. Лицо его менялось быстро, брови сдвинулись к переносице, губы нервно заметались из стороны в сторону. Светик удовлетворенно вздохнула и кивнула, самодовольно улыбаясь. Наша троица настолько хорошо знала друг друга, что порой слова не требовались. По выражению лица поляка поняли, что находка заинтересовала.

– Где вы это взяли? – спросил Лешек, отвёл взгляд от браслета и озадаченно смотрел то на меня, то на Свету.

– Нет, ты сначала скажи, что думаешь? – спросила я.

Поляк снова принялся разглядывать украшение и забубнил:

– Ничего похожего в каталогах не видел. Серебро, однозначно, причём, очень качественное. По камням точно сказать не могу, вероятнее всего – рубины. Браслет изящный, работа тонкая. Видно, сделано на заказ, вещь редкая. Можно пана Владека попросить оценить, ты помнишь его, Натушка?

Взволнованный Лешек с трудом оторвался от ювелирного изделия и посмотрел на меня.

– Конечно! – ответила я и впала в транс, самозабвенно воспроизводя итальянские картинки. Большой каменный дом в окружении розовых кустов олеандра всплыл в памяти так явно, что я чуть не застонала. Душевные переживания отошли на второй план, перед глазами стояли только старые стены и высокая лестница на чердак.

– А сколько он может стоить? – проявила меркантильный интерес Света.

Лукавить не буду, и для меня земные вопросы также важны. Мечты мечтами, но знать, что ты обладаешь редкой вещицей стоимостью несколько сотен долларов – поневоле греет душу. Я с замиранием сердца ждала, каков будет окончательный вердикт. Светик же соскочила с кресла, подбежала к поляку и смотрела сверху на браслет.

– Ну?.. – подтолкнула она.

– Не могу сказать точно. Навскидку, пять-шесть тысяч, минимум, – ответил Лешек и опять вооружился лупой. – Возможно, больше, нужно показать специалистам.

Я охнула и лишилась дара речи. Результат превзошёл

самые смелые ожидания! Светик торопливо переспросила:

– Чего?.. Пять-шесть тысяч это какими деньгами? Злотыми?

– Доллары, – пояснил коллекционер. – Редкие вещи оцениваются в международной валюте.

Света щёлкнула языком и зависла. Вытянувшееся лицо её выглядело очень красноречивым, на нём прямо таки читалось «О-бал-деть»! Оно и понятно, если для меня, знавшей азы антикварного дела, это оказалось потрясением, то что говорить о ней? Лешек откинулся на спинку стула в полном смятении. Воцарилась тишина. Немая сцена, как в «Ревизоре»: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день»!

– Пани Светлана, пани Наталья, ваши любимые плюшки, – приветливый голос Агнешки вывел нашу бессловесную троицу из оцепенения.

К тому времени домработница накрыла на стол, изумительный запах свежесваренного кофе переплетался с тёплым ароматом булочек. Они горой были уложены на огромном блюде, соблазняя румяными боками и сахарной пудрой.

– Где вы это взяли, дивчины? – допытывался поляк, он первым пришёл в себя и вернул украшение на моё запястье.

– Подожди, Лешечек, дай выдохнуть, – ответила я, переваривая информацию, но осмыслить не получалось.

– Нат!.. Ты понимаешь?!.. – сказала Света.

– Не-а... привыкнуть надо. Сначала булки, иначе с ума сойду.

– Ну, да!

Мы переместились к столу. Никакой причины лишиться рассудка я не нашла, восстановила душевное спокойствие и налила кофе. Взяла плюшку, положила внутрь масло, откусила и зажмурилась от удовольствия. Подцепила ещё четыре штуки, Светка товарищ не надёжный, навернёт весь поднос, не моргнув глазом. Та тоже оклемалась и приступила к фирменной выпечке.

– Пани Агнешка, как вы делаете эти неземные булочки? – спросила я, дожевав и вспомнив о ближайших планах кормить Добрыню разносолами. – Мне срочно нужно!

Как вовремя! Завтра с утра начну месить тесто. Пусть видит, какая из меня замечательная стряпуха. Достала из сумочки маленький блокнотик и ручку, Агнешка надиктовала рецепт. Светик молчком приканчивала очередную плюшку. На столе осталось пять штук и я быстро взяла две.

– Не жадничай, свои ещё не съела. Что ты их складировать? – сказала Света, неодобрительно глядя в мою сторону.

– Ничего себе! Разве за тобой угонишься? С собой возьму, вдруг, у него шаром покати.

Я завернула плюшки в салфетку и сунула в сумку. Светик подобралась к одинокой последней булочке и сказала:

– Так ты его и накормишь двумя булками! Спорить могу, весь дом продуктами забил. Мясо колотит сейчас, лишь бы порадовать свою любушку.

– Я много не ем.

– Вижу! Ещё и про запас исхитряешься отложить. Детство голодное было?

– Без тебя скучно будет, как изгнанница какая-то, – я засмеялась.

– Не прибедняйся, телефон есть.

Лешек улыбался, поглядывал на нас и спокойно ждал, пока ажиотаж с выпечкой сойдёт на «нет». Сытые и довольные, мы отодвинулись от стола.

– Это ещё не всё, – многозначительно сказала Света, решив с ходу ошеломить его во второй раз.

Она вытащила из сумочки найденную на чердаке ложку и положила её на стол перед поляком. Тот опять разволновался и с беспокойством переводил взгляд со Светы на меня и обратно. Он взялся за лупу и принялся обследовать столовый прибор. Мы ждали.

– Где вы взяли всё?.. Где? – выдавил растерянный коллекционер, подняв голову.

– Первым делом цена, Лешечек, сколько?– спросила Света, поляк прерывисто вздохнул и снова занялся ложкой.

– Тоже старинная вещь, здесь можно определить. Серебро, примерно середина восемнадцатого века, но я буду проверять по каталогам. Клеймо, вроде, знакомое, – сказал он. Поднял голову и настороженно смотрел на нас, не веря в происходящее: откуда мы могли выудить столько редкостей в один момент? Хотя, недавняя история с сервизом, подтверждала, что ожидать от нас можно чего угодно, даже восьмого

чуда света.

– Ну, сколько? – поднажала я.

– Триста-триста двадцать долларов. Дивчины, я не понимаю, что опять случилось?

– Вот это да!.. – воскликнула Света и посмотрела на меня, машинально разрывая бумажную салфетку на мелкие кусочки. – А если найдём весь набор? На двенадцать персон. Сколько будет?

Я засмеялась. Глаза подруги светились, но не от жадности, она никогда не была жадной, а вот азартной – да.

– Три тысячи шестьсот долларов. Теперь понимаешь? Кто нас кротою дразнил?

– Прошу пARDону, каюсь! Готова пополнить ряды коллекционеров и купить самую огромную лупу в мире!

Света подошла к поляку и положила руки ему на плечи. Тот хотел растаять, но в мои планы это не входило.

– И это ещё не всё, мой дорогой, – сказала я, чем окончательно его добила. Лешек наклонился вперёд, вытянул шею, глаза его расширились, губы наоборот сложились в трубочку, через неё он со свистом выпускал воздух.

Я аккуратно вытащила из пакета свёрток, развернула и протянула ему одну книгу. Светик встала сбоку от Лешака. Тот раскрыл книгу на первой странице и был заметно не в себе. Его лоб собрался в гармошку, глаза тревожно метались между мной и Светкой. Он совсем потерял способность ясно воспринимать окружающее. Мы с подругой одновремен-

но сложили руки на груди и выразительно кивали.

– Вы пугаете меня, дивчины, откуда всё? Вы обокрали музей или дворец? – спросил поляк, мучительно пытаясь понять, куда мы вляпались на этот раз. Я поспешила успокоить его:

– Не волнуйся, ничего мы не украли, всё наше.

– Что скажешь о книгах, мой золотой? – спросила Света и легонько погладила его по голове. – Ну, ну..., успокойся.

Эта лиса Алиса опять встала за спиной Лешака и примостила лапки ему на плечи, тот вздохнул с облегчением, лоб распрямился. Поляк поцеловал Светкину ручку и в который раз взялся за увеличительное стекло.

– Сказать сложно, здесь нужен хороший букинист. Язык итальянский. Судя по году издания, стоит может от пятисот долларов. Но переплет жёсткий, это ещё сто-сто пятьдесят долларов. Надо переводить, возможно, цена возрастет. У вас ещё что-то имеется? – спросил Лешак, с подозрением глядя на меня.

– В данный момент – всё, но книг полный сундук. Ещё есть старинная фисгармония, остальное пока не нашли. Надеемся найти в сто раз больше. И самое главное, всё это добро хранится на чердаке моего дома в Тоскане! – торжествующе заявила я, поелозила на стуле и царственно уселась в соответствии с выданной информацией. – Кстати, книги – тебе подарок.

Лешак присвистнул и окончательно потерял рассудок.

– Ой, на самолёт опоздаешь! – спохватилась Света. – Пятнадцать минут четвёртого!

– Я отвезу, по дороге расскажите, – бросил поляк и помчался перегружать чемоданы.

По пути в аэропорт мы вкратце изложили историю с домом. Лешек сыпал вопросами, но времени не оставалось.

– Не расстраивайся, побуду до завтра и подробно обрисую, – сказала Светик, успокаивая взбудораженного поляка. – У нас ещё одна новость.

– Какая? – спросил Лешек, бросив настороженный взгляд в зеркало заднего вида.

Я примолкла, надеялась, что про бесславную кончину императорского сервиза подруга расскажет без меня. Вспоминать об этом не люблю.

– Натка Александра грохнула, – как бы мимоходом сказала Света, я насупилась и вздохнула.

– Какого Александра?

– Третьего, сервиз она ухлопала, остались от козлика рожки да ножки, – она хохотнула.

Лешек, поражённый в самое сердце, тут же чуть нас всех не ухлопал в мирно идущий рядом автобус. Мы со Светой взвизгнули, а поляк опомнился и выровнял машину.

– Нашла время, – буркнула я, переведя дух.

– Ладно, ладно... , потом расскажу, – сказала Света, обращаясь к Лешеку. – За дорогой смотри.

Мы быстро сдали багаж и помчались на посадку.

– Обещай приехать, – я на бегу брала зарок с поляка, понимая, что в моём новом доме такой специалист просто необходим. Тот кивнул, ответив:

– Обязательно, очень интересно.

Я поочередно обняла близких людей и благополучно улетела в Германию, грезя о предстоящей встрече с Добрыней.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Закон Мерфи, больше известный в мире как закон подлости, ко мне относился в полной мере и действовал всегда безотказно. Мои чемоданы не прибыли. Я долго носилась в Берлинском аэропорту в зале выдачи багажа, трясла у служащих перед носом бирками со штрих-кодом, но всё было бесполезно. От внезапности телефонного звонка в кармане вздрогнула, но он-то и положил конец бестолковым метаниям.

– Ты где? С твоего рейса пассажиры давно вышли, – в голосе Добрыни слышались взволнованные нотки.

– Багаж потерялся! Представляешь?.. Всё, что может пойти не так, пойдёт не так! Почему не чей-то чужой?.. Именно мой! Ну и бардак в вашем Евросоюзе!

– Выбирайся оттуда, не смертельно. Пойдём, подадим заявку на розыск.

Я поспешила на выход. Мой огромный сияющий мужчина одиноко стоял в зоне прибытия. С ходу врезалась в него и замерла в крепких руках, раздражение рассеялось в один

миг.

Мы оформили бумаги на стойке розыска багажа и двинулись к машине.

– Что они сказали? Где чемоданы, ещё в Польше? Когда найдут?

– Сами позвонят. Если сегодня отыщут, то утром привезут. Если завтра, то в понедельник сам заеду, заберу.

– Ничего себе!.. А в чём я буду ходить?

– Найдём что-нибудь дома, не расстраивайся.

Я сразу успокоилась. И, правда, чего нервничать? И тут же принялась рисовать сцены из голливудских фильмов: вот я сижу на кухне нога на ногу в огромной мужской рубашке, рукава закатаны по локоть, кудрявые волосы распущены (ему так нравится). Он суетится вокруг меня, подливая бесконечный кофе. Скромнейшим жестом поправляю расходящиеся полы рубашки. Добрыня неотрывно льёт коричневую жидкость в чашку, она переливается через край и расплзается на столе большой лужицей. Интересно, у него есть пижама? Было бы идеально! К примеру, я разгуливаю по квартире в его тонких трикотажных клетчатых штанах и серой футболке. Моя талия пока ещё позволяет подчеркнуть её и если перетянуться широким ремнём, то будет очень эффектно! Штаны немного висят, как у Чарли Чаплина, но в этом есть что-то чувственное. Может, и к лучшему, что чемоданы потерялись, – в итоге вывела я.

– О чём задумалась? Очень любопытно, не устаю пора-

жаться твоему лицу, такое живое.

Я немного помялась, но решила сказать:

– Как обычно, рисую картинки в голове. Сейчас надевала твою пижаму.

– Ты уникальна! – рассмеялся он. – Такой одежды у меня нет, но если по твоему сценарию она обязана быть, то сейчас купим где-нибудь.

– Ой....

– Что?

– А у меня и бельишка-то никакого нет, – краснея, сказала я и снова расстроилась, говорить об этом было как-то неудобно.

Добрыня со значением хмыкнул, поцеловал меня и сурово заявил:

– Разберёмся!

Мы заехали в фирменный магазин Victoria's Secret. Вряд ли существуют в мире женщины, способные равнодушно относиться к красивому белью, я в этом глубоко сомневаюсь. При виде рядов с красивыми штучками всевозможных моделей, цветов и размеров, впала в состояние отрешённости и бездумно моталась по залу. Добрыня бродил следом, продавщицы с восхищением поглядывали на него, случайно я поймала их взгляды и возгордилась!

– Ты тут целый день можешь разгуливать, сколько нужно? – процесс ему порядком поднадоел и он принялся снимать со стоек всё подряд

– Зачем такие огромные берёшь? Мы со Светой вдвоём в них поместимся.

– Два десятка хватит на первое время?

– Много, своего добра в чемодане навалом. Хотя..., трусишки лишние не бывают, – поторопилась я с ответом, чтобы он не передумал.

– Если хочешь, давай сто возьмём.

– Зачем? А если растолстею? Потом не найдут.

Он усмехнулся, а я, получив одобрение, быстро принялась за работу. Выбирала понравившиеся модели, выискивала нужный размер и укладывала ему на руки. Стопа набиралась серьёзная! Продавщицы улыбались, глядя на нас. Вероятно, со стороны, мы выглядели точь-в-точь как Вивиан и Эдвард Льюис в фильме «Красотка». «Вот и пусть завидуют молча!» – решила я, прихватила три бюстгалтера и успокоилась.

– Наташ, иди сюда, – позвал Добрыня. Он стоял возле стойки с пеньюарами и разглядывал потрясающую белую шёлковую одежду с кружевами.

– Не надо. У меня есть в чемодане.

– Мы берём, – сказал он, снял пеньюар со стойки и повесил на руку.

– Не очень люблю кружевное бельё.

– Так мы покупаем не для тебя, а для меня, – пояснил Добрыня, с увлечением подбирая сорочку.

Я опешила и невольно спросила:

– Для тебя?.. Ты балуешься дамскими причиндалами?

Громовой смех раздался на весь торговый зал, продавщицы вежливо хихикнули.

– Убьёшь меня однажды своими выходками, – сказал он сквозь смех. – Носить тебе придётся.

– Ой, извини, не подумала!.. – ответила я и опомнилась: «Что это, я, правда? От такого количества трусов ошалела? Надо взять себя в руки».

– Ни разу на себя кружева не натягивал. Созерцать прекрасное зрелище гораздо приятнее, – пояснил он, отсмеявшись, и чуть не уронил покупки.

Я расслабилась и улыбнулась тоже. Так, наше первое совместное имущество состояло из целого мешка женской радости. Пижаму для него выбрали в соседнем магазине именно с клетчатыми штанами. Я вышагивала от парковки до дома безмерно счастливая, уютно держа ладошку в его руке. Первым делом прокрутила обновки на деликатной стирке и развесила сушиться. Добрыня приготовил праздничный ужин. Как и предполагала Света, горы мяса величаво расположились в середине стола, ароматным пряным запахом вызывая зверский аппетит.

– Что будем пить? – спросил он, благородно отдавая предпочтение выбору дамы.

– Сегодня положено коньяк, мне так кажется. Только следите за мной, чтобы лишнего не хватила.

Я не выпивоха, но могла запросто увлечься от раздражав-

ших положительных эмоций.

– Не волнуйся, каждый глоток буду контролировать.

Мы с удовольствием выпили за новую жизнь. Я старалась много не есть, боялась, разморит и сразу усну, не дождавшись продолжений. Правда, Добрыня всё пытался напичкать меня стейками, но я держалась. Хоть и помнила Светкины заповеди о хороших женщинах, но в первый же вечер свалиться в сон не хотелось. Потом мы пригубили ещё раз, а дальше... Дальше была ночь, и до неё, кроме нас, никому нет дела. Маленький мир в отдельно взятой берлинской квартире закрыл две соскучившиеся души от всей вселенной.

Утром, пока Добрыня спал, я надела новый белый кружевной халатик, приготовила кофе и нарезала целую гору сыра различных сортов. Прошлась по шкафам на кухне и с удовлетворением отметила, что слово он сдержал. Весь ассортимент хорошего супермаркета аккуратными рядами разместился на полках: крупы, макаронные изделия, специи и многое другое. Я нашла большую чашку, муку, достала из холодильника яйца и приготовилась приводить план в действие. Посчитала, что Агнешкины плюшки являются замечательным способом показать мою благодарность Добрыне и одновременно покорить его ещё больше.

– Божественный запах! – сказал он, стоя в дверях кухни и сложив на груди руки, такой большой и красивый, как древнегреческий исполин.

– Только сварила, садись.

Я налила вторую чашку кофе, пододвинула тарелку и сказала:

– Больше всего люблю с сыром, особенно с камамбером.

Добрыня кивнул. Ясно, тоже предпочитает сей деликатес.

– А ты что собралась делать? – спросил он, допивая первую порцию, и потянулся за следующей.

– Нам нужно большую турку купить, я заядлый потребитель. Из кофеварки не очень люблю.

Снова утвердительный знак головой. Он прищурился и спросил:

– Ты не ответила, к чему этот пекарский набор?

– Плюшки буду делать, как у Лешка в доме. Специально взяла рецепт у его домработницы.

– Серьёзно?

– Да, ничего в жизни вкуснее не ела. Она всегда их печёт к нашему приезду. Мы со Светой вчера целую гору навернули.

– Да ты что?

– Правда, в один присест. Очень вкусно.

Я встала, помыла турку и засыпала новую порцию кофе. Добрыня оглядел меня с головы до ног, с самодовольным видом хмыкнул и небрежно сказал:

– Сегодня воскресенье.

– Я в курсе, и что?

– А то! Имею право получать все удовольствия. Завтра

уйду на работу, можешь лепить что угодно: польские бул-ки, русские кулебяки, немецкие калачи, сегодня не позволю. Идём!

– Куда?

– Туда, откуда пришли!

Он притянул меня к себе и я расплылась. Господи, какие плюшки! Пошла впереди, демонстративно виляя бедрами, за что получила шлепок сзади.

Счастье! Это называется обычное человеческое счастье быть рядом с тем, кто рад находиться с тобой. К такой теории я пришла давно. Вот говорят, что противоположности притягиваются. В корне не согласна! Ищи себе подобное, тогда не будет глупых разборок и выяснений кто прав, а кто ещё больше прав.

Жизнерадостный голос Светы раздался около полудня и вытянул из состояния благоденствия.

– Привет! Ну, как вы там, выпались?

– Если так можно сказать, учитывая стрелки на часах, – проговорила я, стараясь чётко произнести каждое слово. Она хихикнула: – Понятно. Мы с Лешekom платье в пол купили, зелёное. Смотри, чтобы как детдомовские не были.

– Не поняла?.. Ты ничего не перепутала? Я в Берлине, рядом с твоим дорогим кузенom, он машет тебе рукой.

Взгляд остановился на его улыбающемся лице. Светик рассмеялась:

– Круто! Ты у него номер один! От великого блаженства

братишка голову потерял, надеюсь, отыщется. Тогда не буду мешать, пусть сам рассказывает.

Она отключилась, а я в недоумении посмотрела на Добрыню и спросила:

– Что происходит? О каких нарядах она говорила? Где мы должны в них появиться?

– Ох! Забыл..., до сих пор не верю, что ты здесь. Я и не рассчитывал на такое, – сказал он, обойдя вопросы, и ласково погладил меня по спине.

– Хватит мысли мои читать, можешь на время восторг выключить? Объясни внятно о чём она?

Добрыня принялся щекотать меня, со словами «Давай, проси ещё, проси, а я тебя помучаю!», я попыталась вывернуться, с детства боюсь щекотки, но он сгрёб в охапку и сказал:

– Ладно уж, пожалею.... Атаковала вчера своим бельишком, всё из головы выскочило. Тут такое дело..., пока ты летела, позвонил секретарь господина Майера, отца вашего Александра. Она спросила, можем ли мы присутствовать на приёме в следующую пятницу. Состоится большое мероприятие, он вступает во владение полным пакетом акций. Вечер корпоративный, но это высший свет в определённых структурах Германии. Герр Майер лично просил нас пригласить. Я заверил, что будем в полном составе. Да, он отдаст тебе оригинал дарственной на дом. Так что, ты выводешь меня на другой уровень в местных кругах.

Я оторопела от неожиданности, он же поцеловал меня в лоб и спросил:

– Что? Тебе не интересно встретиться с семьёй вашего Александра?

– Конечно, ужасно хочется. Только я не знаю....

– Чего ты не знаешь?

– Как-то получается сразу с корабля на бал.... И в чём я пойду?

Мозг переваривал новость, лихорадочно соображая, что надеть и как себя вести. Неожиданно для себя я быстро сказала:

– Мне нужно платье красное. Такое узкое, футляр.

– Завтра купим. После работы поедем и найдём твоё платье. А почему именно красное?

– Так надо.

Я старалась в очередной раз понять, как Высший разум находит способы воплотить в реальность самые грандиозные человеческие фантазии. Рассказала Добрыне о своих видениях в день его рождения, про синих оленей и закатанные штаны, про этот длинный наряд. Он слушал с неподдельным интересом, меланхолично накручивая на палец мой локон.

– У меня так много раз в жизни случилось. Самый яркий пример – моя Тоскана. Я считаю, что Он наверху один, а нас много. Как Он может знать, что хочет каждый? Нужно обязательно просить. Просить и показывать, что тебе нужно в жизни, тогда всё обязательно получишь, – проникновенным

голосом просвещала я.

До этих эзотерических заключений дошла сама, правда, не сразу, а за долгие годы.

– Сейчас что-то скажу, только ты не смейся, – Добрыня ответил после некоторого раздумья, я кивнула.

– Мне не очень-то верится в Господа, но в храм иногда захожу. Этой весной на Пасху взял Димку и мы пошли в церковь. Я стоял и спрашивал, почему моя жизнь сложилась так неудачно? Почему у меня никого нет? Как наказание за грехи. Сын не в счёт, дети это дети. . . . Вот зачем я живу?.. Ради работы?

Вероятно, такие мысли рано или поздно возникают у каждого. Мне хотелось вставить свои заключения, но терпела и слушала, не перебивая. Он продолжал:

– Быть счастливым мне необходимо, как и другим. Я всё имею, всё. Но нет главного: близкого и родного человека. Просил Небо, чтобы кто-то пришел и растряс застоявшееся болото, а потом появилась ты, – на этих словах Добрыня улыбнулся. – Пришла и сломала мои жизненные шаблоны. До сих пор не верю.

– Видишь? Ты только подтверждаешь мою теорию. Но не я же это придумала: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам»! Библия! Вся мудрость мира собрана в этой великой книге!

Добрыня обнял меня, радостно поцеловал в нос и сказал:

– Ты чудо, философ!

На следующее утро я просунула голову в ванную комнату и прокричала, одновременно спрашивая и докладывая:

– Ты каши ешь? Я люблю.

– Если ты любишь, то у меня нет выбора, – душевая кабина откликнулась громким весёлым голосом вперемешку со звуком бьющего водного потока.

Я подтянула новые пижамные штаны и пошла на кухню, довольная ответом. Налила в кастрюльку воды, распечатала овсянку и молоко, Добрыня собирался на работу.

Чем бы заняться днём? Без него скучать буду, несколько не сомневалась. Я задумчиво сыпала крупу в кипящую воду и равномерно помешивала ложкой. Опомнилась только когда последняя крупинка выпала из пакета и каша полезла через верх. Чёрт!.. Как в детском рассказе «Мишкина каша» у Николая Носова! Я метнулась к шкафу и загромыхала посудой. Достала другую кастрюлю и суетливо переваливала горячую массу из маленькой в большую. Она успела немного загустеть, я ложкой черпала вязкую субстанцию и стряхивала в большую кастрюлю. Вылила туда же литр молока, добавила соли, сахара и поставила доваривать. Глаз с неё не спускала! В итоге получилось около трёх литров питательной вкусной еды. Зараза!

– Ты чем тут гремишь, повариха?

Добрыня вошёл на кухню, подтягивая узел галстука.

– Вот..., каши наварила. Только задумалась и не рассчитала, – проямлила я, готовясь провалиться сквозь землю.

Он встал рядом и сверху смотрел на кастрюлю, как на заморскую диковину. Потихоньку начал трястись, но пока сдерживался, и невнятно выдавил:

– Надеюсь, ты обо мне думала?

– О ком ещё? – ответила я, злясь на него, на себя, на кашу, на весь мир!

– Значит, будем есть, не пропадать же добру!

Его смех пробился наружу, хлынул булькающим потоком и затопил с головой. Он хохотал до слёз, галстук подпрыгивал на его груди, а я засмущалась ещё больше и нервно дёрнула огромные пижамные штаны.

– Она полезная! Когда Сашка была маленькая, я постоянно варила! Заталкивала в неё кашу и говорила, что это еда для космонавтов! – кинулась я защищаться. Ещё немного, и заревела бы!

Добрыня обвил меня руками, поцеловал в макушку и сказал:

– Я тебя обожаю! Давай твою космическую кашу!

Надо отдать должное, в течение трёх дней по утрам он поглощал её без малейшего колебания. При этом нахваливал, как если бы ему подносили фуа-гра:

– В жизни ничего вкуснее не ел!

– Издеваешься? – спросила я, упираясь руками в бока и исподлобья глядя на него.

– Клянусь! Хоть чуть-чуть ещё осталось?

– Нет, это последняя.

Я и постучала ложкой по днищу кастрюли, а Добрыня заразительно рассмеялся и сказал:

– Жаль, вари следующую бадью! Испытание кашей я прошёл с честью!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В понедельник после обеда я решила пройтись по окрестностям. Прихватила с собой шоколадный батончик и отправилась в путь. Пешие прогулки всю жизнь люблю и, особо не раздумывая, пошла в исторический центр города. По знакомой дороге миновала Рейхстаг, через парк вышла к Парижской площади. Район значимый для Германии, бывшая приграничная зона между столицей ГДР и Западным Берлином, в таких достопримечательных местах всегда большое скопление туристов. Покрутилась по округе и сделала несколько снимков для Сашки. Пожилая китайская пара попросила меня сфотографировать их на фоне Бранденбургских ворот. Охотно это сделала, помахала на прощание: «Бай, бай»!

Дойдя до противоположного конца, съела батончик и развернулась в сторону дома. После сладкого захотелось пить и я зашла в магазин. Купила воды, сразу выпила половину, а бутылочку положила в сумку. Немного устала и свернула на боковую улицу, сокращая путь. Метров через сто наткнулась на драку.

Подростки, лет пятнадцати-шестнадцати, что есть мочи колошматили белобрысого паренька. Били они его жёстко.

Когда пацан закрывал голову руками, удары наносились ему в солнечное сплетение, а когда прикрывал живот, тычки следовали в верхнюю часть тела. Малолетние изверги! Нечестно такой оравой, вчетвером, против одного! Я озиралась по сторонам, взрослые мужчины должны прекратить эту бойню! Люди останавливались, кричали по-немецки дерущимся мальчишкам, но этим дело и заканчивалось. Вот же, засада какая! У нас в России сто процентов кто-нибудь кинулся бы разнимать. Я злилась и не знала, что делать. Бедный парнишка упал на колени и просто закрывался, даже не отмахиваясь. Его принялись пинать со всей силы сосредоточенно, с отяжечкой.

– Эй, а ну прекратите! Кому говорят?! – выкрикнула я по-русски.

Мужчина неподалёку от меня повернулся и произнёс на родном мне языке:

– Я уже вызвал полицию.

– А сами чего стоите? Пока ваши копы приедут, мальчика инвалидом сделают!

– Дураков нет, вмешиваться в чужие разборки. Кому охота лишний минус в досье зарабатывать?

– Шкуру боитесь подпортить? Пока полиция прибудет, эти бойцы ему печёнку отобьют!

Я ещё раз окинула взглядом зону уличной баталии. Пацаны не мелкие, лезть в эту мясорубку боязно, но железок не увидела, молотили кулаками. Воспитанная совет-

ским двором, за доли секунды вспомнила навыки, полученные от старших хулиганистых товарищей. Чем дольше думаешь, тем больше вырабатывается дурного адреналина. Он заставляет коленки подгибаться, а руки слабеть. Внимание рассеивается и ты плохо соображаешь, выпадая из обстановки. Если чувствуешь, что драка неизбежна, то отключай сомнения и бросайся первым.

Я приняла решение и устремилась в самую гущу, размахивая потяжелевшей сумкой и выкрикивая русские ругательства. Из всех сил отталкивала подростков от согнувшегося на земле пацана, успевала заехать ридикюлем куда попало. Поначалу нападавшие оторопели от моего натиска, но потом навалились с новой силой. Кто-то двинул мне в скулу.

«Боже, что я делаю?» – промелькнула мысль и сразу испарилась. Было страшно, но произошёл взрыв правильного адреналина и я рассвирепела:

– Ах, ты, гадёныш, пошёл вон отсюда! Нос подотри сначала!

Мужчина, который говорил по-русски, всё-таки не выдержал и ринулся на помощь. А может, совесть разыграла!

Моя голубая дамская сумочка только успевала наносить удары, как нунчаки, взрослый мужчина распихивал невменяемых юнцов, толпа вокруг сгущалась. Неподалёку завывала сирена и незнакомец смылся. Подоспевшие полицейские растащили в разные стороны драчунов и меня в том числе. Избиение прекратилось, парнишка заплакал. Один из офи-

церов помог ему подняться, затем подошел ко мне, взял за локоть и заговорил по-немецки.

– Не понимаю ничего! – сказала я, тяжело дыша, в горле пересохло.

Со злостью одёрнула руку, вытащила бутылку с водой, залпом её осушила и пошла к стоявшей рядом полицейской машине. Участников драки погрузили внутрь и мы оставили плацдарм боевых действий.

«Что Олежке скажу? Вот зараза! Угораздило же свернуть именно на эту улицу! Решит ещё, что я закостенелая хулиганка среднего возраста. Вечно больше всех надо!»! Сидя в машине, ругала себя последними словами, стиснула зубы от досады и левая скула заныла. Это расстроило ещё больше. Чёрт, теперь фингал вылезет! Так и не придумала оправдания и позвонила Свете посоветоваться.

– Привет, привет!.. Как счастливая жизнь? Довольна? Страсти улеглись? – она закидала вопросами.

– Нормально, мечты сбылись, синяя птица в руках, – вздохнула я с чувством обречённости. Закон Мерфи действовал во всей красе: из всех возможных неприятностей произойдёт именно та, ущерб от которой больше.

– Что случилось? Вы поругались?

– С чего вдруг? У нас всё хорошо, во всяком случае, так было ещё утром. Не поверишь, Свет... Я снова в полиции.

– Да ты что-о?

– Угу..., видать, судьба у меня такая, на криминальные

истории нарываться.

Я рассказала про драку, приготовилась выслушивать воспитательную речь и не ошиблась.

– Ну, ты даёшь, мать! – с негодованием ответила она. – Совсем с ума сошла?.. Жизнь тебя ничему не научила? А если бы прибили? Ты не в России!

– Ой, вот только давай без нотаций, поздно. Ты бы стояла и смотрела? В жизни не поверю!

Она помолчала, затем заливисто засмеялась и сказала:

– Ты сделала мой день, Натка!

– Что ты хохочешь?

– Как что? Представляю, как ты с разбегу принялась за бедных детишек. Хотя, я бы тоже мимо не прошла, это точно. Олешка знает?

– Нет, поэтому и звоню. Ещё одна беда, скула раздувается как барабан.

– Ужас!.. Сфоткай и отправь, оценю размер ущерба, что-нибудь придумаем.

Пробился второй звонок с позывным «Добрый молодец».

– Олешка звонит, – быстро сказала я и включила Добрыню.

– Привет, солнце моё! Не могу дозвониться, с кем так долго болтаешь? – жизнерадостно спросил шикарный баритон.

– Со Светой, – я постаралась ответить спокойно насколько возможно.

– Ты дома? Буду через пять минут, спускайся. Поедем покупать твою красную фантазию. Чуть не забыл, чемоданы забрал.

– Спасибо.

Про платье и багаж я совсем забыла. Собралась с духом и быстро выпалила в трубку:

– Поход за нарядами отменяется.

– Что случилось? – баритон ответил озадаченными нотами.

– Только ты не ругайся, бесполезно. Я в полиции.

Он на мгновение замолк, затем послушался глухой вдох и такой же выдох.

– Где это?

– Не знаю, недалеко от дома, уже почти вернулась.

– Дай телефон полицейскому.

Я послушно встала и сунула трубку дежурному, тот удивился, но аппарат взял.

Через несколько минут Добрыня входил в дверь участка. Он заполнил собой всё пространство, брови нахмурены, взгляд обеспокоенно-суровый, как есть, Бог-громовержец в своём прямом предназначении! От его взволнованного вида сердце сжалось комом и осталось в таком положении. Добрыня подошёл ко мне, схватил за плечи и пристально смотрел, расплавляя взглядом. Видок у меня, наверное, был сногшибательный: злая, взлохмаченная, как мыши в волосах пошерудили.

– Ты в порядке? – спросил он.

Я кивнула.

– Что случилось?

– Там пацаны дрались, четверо против одного. Пришлось вмешаться.

– Робин Гуд! – процедил он сквозь зубы, причём, произнёс эту фразу по слогам и акцент намеренно был сделан на согласные звуки. Я и без этого места себе не находила, а сейчас так разволновалась, что невольно сжала кулаки. Вот ведь, трёх дней не прошло, а уже вляпалась! Добрыня погладил меня по левой щеке, видимо, там проявлялся синяк.

– Зачем ты туда влезла, Наташ?.. Взрослый же человек....

– Затем! Стоять и смотреть надо было? Там все это делали, никто не рискнул. А если бы твой сын на его месте?

– Ладно, кулаки разожми, твой бой окончен, – сказал он и опять дотронулся до моей щеки. – Больно?

– Терпеть можно.

Меня пригласили в кабинет. Добрыня пошёл со мной и вытащил паспорт из моей сумки. Свёрток с забытыми плюшками с глухим звуком вывалился на пол, булки раскатились в разные стороны. Полицейский с безразличием посмотрел на них, ничего не сказал и защёлкал в компьютере. Чёрт! Ещё одна нелепость! Как с голодного края сбежала! Добрыня сжал губы, глядя на булки, но поднял их, затолкал в сумку и заговорил с офицером. Я сидела на стуле безучастно, что толку слушать, всё равно ничего не понимала. Расписалась в

протоколе, полицейский попросился с нами и протянул мне руку.

«Начинается!», – вспомнилось недавнее путешествие со Светой из Калининграда в Рим.

Дома я умылась холодной водой и пошла на кухню попить. Добрыня достал лёд из морозильника и приказал:

– Садись!

Покорно села на стул. Он приложил холодный пакет к моей щеке, я непроизвольно дёрнулась.

– Потерпи чуть-чуть.

– Не помру, не дождёшься. И не в таких битвах в детстве бывала. Мама всегда ругалась, а отец гордился. Он пацана хотел, Григория.

От ледяного компресса прищурила левый глаз, но переносила стойко.

– Я тоже тобой горжусь, Гришутка, но боюсь за тебя больше, – Добрыня оттаял и улыбнулся. – Это моя вина. Не догадался с тобой инструктаж провести. Даже в голову не пришло, что ты можешь в драку влезть.

– Ещё как могу! – подтвердила я и пошла в ванную.

Стоя под горячими струями, смывала с себя усталость, накопленную злость, страх. Выбралась, завернулась в полотенце и посмотрелась в зеркало. Да уж! Левая щека посинела и распухла. Если бы в тот момент мою физиономию видели дети и Светка, то массовый обморок я бы им обеспечила.

Добрыня ждал в спальне.

– Мазь нашёл, весной колено сильно ушиб. Давай, намажем.

Я спросила, кривясь от холодного прикосновения:

– А что офицер говорил?

– Он очень удивился, это ненормально для женщины. А ты зачем сухой паёк с собой носишь?

– Это не паёк, тебе везла. Забыла.

Он усмехнулся, мягко поцеловал в нос и сказал:

– Обещай, если, не дай Бог, что-то случится, сразу звонишь мне, хорошо?

– Буду стараться.

– И ещё.... Что ты всё время от меня защищаешься?

– Не знаю. Постоянно чувствую как будто нашкодила.

– Так ты и нашкодила, – негромко смеясь, сказал Добрыня. Он попытался меня поцеловать, но я ойкнула, вместе с щекой болели и губы.

Он быстро сходил в душ, мы улеглись и с того момента я точно знала: самое безопасное и уютное место на земле у него под мышкой. Да, с этого дня ещё несколько прозвищ добавилось к моей персоне. «Робин Гуд» всегда цедилось сквозь зубы, когда я неистово отстаивала чьи-то права и Добрыня об этом узнавал. Производные от имени Григорий – если что-то натворила, но не смертельно.

Утром, провожая его на работу, поклялась не выходить из дома до самого вечера. Да и куда я могла отправиться с таким расписным фасадом? Похмельный бомж какой-то.

– Как на бал пойдём, Золушка? – поинтересовался Добрыня, стоя в дверях.

– Очень просто, ногами. Что теперь, от людей прятаться?

– Конечно, нет. Ладно, может всё и пройдёт до пятницы.

Если что, широкой грудью прикрывать тебя буду.

Оставшиеся дни до выхода в высший промышленный свет я целыми днями прикладывала компрессы и примочки. Каждые пять минут что-нибудь на себя мазала и от зеркала отходила только поесть и поспать. В итоге, синева и отёк сошли, осталась чуть заметная зеленовато-розовая дымка.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Светик прибыла в четверг после обеда. Я успела по ней соскучиться и кинулась обниматься в прихожей.

– Уронишь меня! – она улыбнулась. – Вместе битыми пойдём на высокий раут?

– А что, я одна должна светить? Всё лучшее готова разделить с подругой.

– Спасибочки, обойдусь! Дай-ка, посмотрю на тебя.

Света покрутила моё лицо под потолочным светильником и заключила:

– Замажем, сильно заметно не будет. Платье купили?

– Конечно! Роскошное, на подол бы теперь не наступить, каблучищи как ходули.

– Показывай.

Знатная тряпичница, она с порога пошла оценивать мой наряд.

– Класс!.. Блистать будем, точно говорю! – с восторгом сказала Света, думами переместившись в завтрашний вечер. – Приличных мужчин соберётся множество.

На фоне собственного благополучия забота о счастье ближнего всколыхнулась с новой силой и я сказала:

– Остынь со своими поисками неземной любви. Как Лешек?

– Нормально, отвёз в аэропорт и помчался назад. Как беглец с этими книгами, ночами сидит, переводит.

К вечеру следующего дня наше трио торжественно ступило в какой-то огромный зал где проходило мероприятие строительной корпорации. Мой Добрыня выглядел потрясающе: чёрный классический костюм-тройка сидел на нём идеально. Тёмно-бордовый галстук в мелкую крапинку резко контрастировал с белоснежной рубашкой. Перед выходом из дома я в очередной раз смахнула несуществующие пылинки с лацканов его пиджака.

– Что ты всё время находишь? Наляпал что-нибудь? С самого утра крошки во рту не было, – спросил он, довольно улыбаясь, а я любовалась им.

– Не обманывай, кормила тебя. Ты безупречен. Как мне удалось такого красавца отхватить, ума не приложу?

Добрыня потянулся с поцелуями, но я выскользнула.

– Ты что?.. Света полдня меня разрисовывала, синяк маскировала. Я теперь гейша японская. Влетит обоим, если что-то испортим.

– Олешка, не тронь её, – предупредила подруга, выплывая из гостиной как императрица. – Иначе все усилия коту под хвост, после приёма целуйся сколько влезет.

– Отпа-ад! – ахнула я, глядя на неё. – Нацелилась рядами уложить берлинскую элиту?

– Девочки, я вас не укараулю, – усмехнулся Добрыня, одобрительно рассматривая обеих.

Шелковое тёмно-зелёное платье, очень простое на первый взгляд, смотрелось необыкновенно изысканно на белокурой Светке. Довольно большое декольте, чтобы показать все достоинства, но при этом оставить её целомудренной. Открытые руки, длинная юбка, расходящаяся к низу, но не огромная, тонкая талия была перетянута широким поясом. Золотистый клатч из змеиной кожи и золотой перстень с изумрудом идеально гармонировали с общим обликом.

На мне была моя мечта – красное платье-рыбка без рукавов с вырезом лодочкой. Сидело оно как влитое. Из украшений я надела старинный итальянский браслет и Добрынин подарок – серёжки из белого золота с большими рубинами. Причёску из буйных кудрей в салоне смастерили так, что вроде бы шея открытая, но я могла в любой момент прикрыть шевелюрой пострадавшую сторону. Маленькая чёрная сумочка с красной отделкой по внутренней стороне дополняла мой гардероб.

Народу было много: элегантные мужчины, дамы в вечерних туалетах. Люди стояли парами или группами и негром-

ко переговаривались. Официанты разносили шампанское, небольшой оркестр в углу играл Бетховена, всё чинно и благородно. Уцепившись с двух сторон за Добрыню, мы поплыли по залу, привлекая общее внимание.

– Свихнуться можно!.. Прямо тут сейчас и рухну!.. Почему на нас все уставились? Как по красной дорожке идём! – бубнила я, разволновавшись до безобразия. Чуть не подвернула лодыжку на высоченном каблуке. – Ноги заплетаются, как вьюны!.. Поворачивай назад, уходим!

Добрыня начал тихонько посмеиваться. Я через силу держала натянутую улыбку и тряслась. Господи, что мы тут делаем? Не хватало ещё в буйное веселье свалиться на глазах у достопочтенной публики!

– Не выдумывай!.. Шагай непринуждённо! – руководила мной Света. Она выступала намного увереннее, но тембр её голоса изменился, речь участилась. – Никаких обмороков! Уже пришли, так, давай, покажем себя! Что ты там запинаешься?.. Скидывай башмаки и двигай босиком, как Джулия Робертс в Каннах!

По долгу службы Светику частенько доводилось присутствовать на различных раутах, но самообладание изменило и ей. Мы обе оказались не готовы, что половина промышленного бомонда Федеративной Республики Германия будет пялиться на наше грандиозное шествие.

– Девочки, ещё пара ваших фирменных фраз, и не выдержу, расхохочусь в голос. Вы можете помолчать? Просто улы-

байтесь, немного осталось.

Добрыня уверенно передвигался вперёд, как буксир, тянущий за собой два изящных парусника. Кое-как я доковыляла до места у окна, выбранное им в качестве базовой стоянки для нашей небольшой флотилии. Весь адов путь прошла, повиснув на нём и судорожно сжимая его предплечье, другой рукой вцепилась в сумочку, чтобы ежесекундно не одёргивать узкое платье. В чужой обстановке и от неизвестности пришла в какое-то перевозбуждённое состояние. «Наверняка, четверть зала отъявленные миллионеры, а может, и миллиардеры! И мы со Светкой.... Это как? А ещё с родителями Александра встречаться. Не сморозить бы какую-нибудь глупость и не навернуться на каблуках».

– Не нервничай так, солнце моё, мы здесь новички, поэтому и обращают внимание, – поддерживал любимый мужчина, спокойно рассматривая присутствующих.

– В жизни больше не пойду! На такие тусовки без меня, пожалуйста.

– Что ты опять? – Его взгляд остановился на мне, он оценивающе прищурился и заключил: – Смотришься великолепно, того и гляди очередь из Рокфеллеров выстроится, придётся отбиваться.

– Издёргалась вся. Чувствую себя как лягушка за царским столом, – произнесла я сквозь зубы, стараясь сохранить подобие улыбки. Нервозность не прекращалась. – Ещё туфли натирают, пятки аж горят. Протопчусь в них пару часов и

здоровенные мозоли обеспечены.

– Сменки бы с собой взяла, тапки домашние, – небрежно бросила Светик. Она быстро освоилась и мило улыбалась, поглядывая по сторонам. – Нат, я рассмотрела почти всех. Дамы одеты круто, даже слабо сказано, но многие по сравнению с нами не комильфо. Либо возраст далеко «за», либо фигурой не удалась. Так что, расслабься, мы ничем не хуже.

К нам подошел мужчина и что-то сказал Добрыне по-немецки.

– Герр Майер приглашает нас в кабинет.

Я разволновалась сильнее, но собрала себя в кучу и снова, как клещ, вцепилась в своего мужчину. Под перекрёстными взглядами мы продефилировали в другой конец зала. Надо же! Вроде бы, сливки общества, а любопытствуют как бабульки на скамейке возле подъезда! Мысль эта немного приободрила. И, правда, что я так дёргаюсь? У них всё так же, как и у нас: и в душе моются, и в туалет ходят.

– Не бойся, мужик он нормальный, даром что богач, – громким шёпотом придавала уверенности Света, Добрыня отозвался глухим смешком.

Он поднялся навстречу, мужчина лет пятидесяти трёх-пятидесяти пяти. Ничего особенного я не разглядела, дядька как дядька, среднего роста, коротко стриженный, ничем не примечательный, таких множество. Его спутница чуть постарше нас. Тёмно-русые волосы, зелёно-серые глаза, черты лица правильные, следов пластики не заметила. Она подо-

шла ко мне, взяла за руку, а я с облегчением подумала, что они совсем обычные люди. Переживают за своего ребёнка, как и я за Сашку. Меня немного отпустило и я почти расслабленно улыбнулась, глядя на женщину.

– Позвольте познакомить вас с моей супругой, Бригитте, – Добрыня переводил с немецкого. В свою очередь, представились и мы со Светой.

– Конрад Майер! – произнёс мужчина, когда его жена деликатно отошла в сторону. Он взял мою руку и тряс долго, что-то говоря по-немецки.

– Они вам очень признательны. Как любые родители, супруги страшатся думать, что могло случиться с их ребёнком. Их благодарность не имеет границ. Чета Майеров всегда будет рада видеть вас в качестве почётных гостей. От себя добавлю, если человек при знакомстве называет своё имя, значит, к нему спокойно можно обращаться на «ты». Это большая честь, девочки, учтите!

– Мы можем спросить о ребёнке? – обратилась я к Добрыне, перед глазами всплыло заплаканное веснушчатое лицо. Он задал вопрос супругам, те слаженно закивали.

– Как он себя чувствует?

– Сейчас всё хорошо. Александр отошёл от стресса, много играет и занимается на фортепьяно.

– У меня тоже два сына, – подруга поддержала светскую беседу, к месту вспомнив, что она хорошая и заботливая мать.

И на самом деле, Светик была замечательной мамашей для своих парней. Но, как любые пацаны, подрастая, они доставляли ей множество хлопот. Оба постоянно что-нибудь себе ломали, куда-то влезали, войдя в пубертатный возраст, прошли боевое крещение алкоголем. Спасая детей, Света вытаскивала их отовсюду, понимая, что таким образом должно пройти становление взрослых мужчин.

Добрыня снова перевёл. Супруги понимающе заулыбались, снова одновременно кивая. Видимо, давно вместе и хорошо друг друга дополняют.

– Сам Господь привёл вас на эту дорогу, – сказал герр Майер.

Мы со Светкой тоже согласно выдали по кивку.

Он жестом пригласил нас сесть. Немец открыл папку, достал оригинал дарственной и передал мне.

– Он спрашивает, тебе нравится подарок?

– Ещё бы! Моя мечта, старинное итальянское жилище с тайнами, – прямолинейно сказала я, потом опомнилась и добавила: – Не стоило этого делать, любой бы так поступил.

После перевода супружеская пара заулыбалась ещё шире.

– Если тебе так нравится дом, то они счастливы. Фрау Майер спрашивает, ты так любишь секреты?

– Очень, – ответила я и повернула голову к Добрыне. – Как думаешь, будет уместно, если я сделаю небольшой подарок?

Решение пришло из ниоткуда, но оно было справедли-

вым, я сердцем это почувствовала и снова разволновалась.

Светик тихонько спросила:

– Что ты задумала?

– Сначала дождёмся ответа.

– Они не ожидают ещё больших подарков, но сюрпризы любят все, – последовал перевод.

Значит, разрешение получено. Я протянула Свете руку с браслетом:

– Расстегни, пожалуйста.

– Не жалко? – изумилась она.

– Нет, так будет правильно.

Добрыня сжимал губы, сдерживая улыбку, ничего не понимающая немецкая пара ждала дальнейших действий и с любопытством смотрела на нас. Бригитте склонила голову набок и что-то негромко сказала мужу, тот кивнул. Я приняла это на свой счёт. Опять вывалилась вперёд, как подстёгивает кто-то, но заговорила:

– Мы нашли его в книге на чердаке..., в моём итальянском доме... Или в чьём? Нет, он тогда ещё не был моим.

От волнения я запуталась, засмушалась, замолчала и посмотрела на Добрыню. Он с одобрением моргнул, чета Майеров улыбалась заинтересованно, а Светик подбодрила в своей манере:

– Давай, не дрейфь, сказала «А», говори «Б». Люди ждут.

Лицо горело, вероятно, покраснела до ушей и слилась с платьем, но набралась смелости и продолжила спонтанную

речь:

– Браслет старинный, ему больше ста лет. Это серебро с рубинами. Мы сделали только предварительную оценку, шесть тысяч долларов.... Ой, при чём тут деньги?.. Не в них же дело.... Да.... Это не мой подарок, это благодарность дома.... Он стоял никому ненужный и заброшенный, а теперь у него есть мы....

Голос мой задрожал, я заглохла окончательно и тут же отругала себя: «Ёлы-палы! Выгляжу как дитё! Не зареветь бы ещё!» Держа на ладонке мою великую ценность, я протянула её Бригитте. Та умилилась, чисто женским движением, сдерживая эмоции, прикрыла пальчиками рот и закачалась из стороны в сторону, а я подумала: «Ну и пусть! Эйнштейн тоже вёл себя как ребёнок, между прочим! Важно не поведение, а результат»!

– Ну, ты даёшь! Я тобой горжусь, – сказала негромко Света.

Добрыня улыбнулся и подмигнул. Фрау Майер взяла браслет, затем поднялась и подошла ко мне. Я встала, как школьница на уроке, а она меня обняла. «Матерь Божья, сколько пафоса мне удалось внести! Как лирическая героиня слезливой мелодрамы!.. Провалюсь сейчас на месте!» – я опять разозлилась на себя. Куда девать руки не нашла и решила, что обниму её тоже.

Немец засмеялся громко, заливчато, снимая неловкость сцены, и снова что-то вымолвил по-немецки.

– Женщины! В этом и есть непостижимость вашей тайны. Очень трогательно, он обещает, что твой подарок будут бережно хранить.

Бригитте заговорила, обращаясь к Добрыне, её супруг слушал с удивлением. Мой любимый мужчина засмеялся, затем начал отвечать, подтверждая слова лёгкой жестикующей ей.

Чета Майеров обескуражено смотрела на меня как на какую-то невидаль. Мы со Светой переглянулись.

– Что случилось? – спросила Светик, вскинув бровки.

– Фрау Майер дамским намётанным глазом всё-таки разглядела Наташин синяк. Она спросила, если это моя женщина, то почему в таком виде? Кто её бьет?

Господи! В порыве чувств совсем забыла про чёртов фингал! В смущении я принялась поправлять волосы. Немецкая пара снова заулыбалась и синхронно закачала головами.

– А ты что? – с недоумением спросила Света, не зная, то ли плакать, то ли смеяться.

– Подтвердил, что Наташа – моя дама. Она у нас бесстрашный рыцарь, защитник обиженных. Ездит по разным странам и спасает их. Натура такая, не может мимо пройти.

– Что, прям так и доложил?

– В основном, про драку пришлось рассказать. Не волнуйтесь, всё в порядке.

Герр Майер что-то произнёс по-немецки и они втроём

засмеялись.

– Он сказал, что такую экзальтированную Жанну Д'Арк нельзя упускать, но нервов она попортит много.

Светик усмехнулась, а я от замешательства готовилась навечно исчезнуть с лица земли! В конце концов, меня оставили в покое и дали отдышаться. Мужчины поговорили о чём-то минут десять, при этом Добрыня посерьёзnel. Фрау Майер с интересом разглядывала браслет, затем подошла к Свете и жестом показала помочь ей с застежкой. Немка подняла руку вверх, покрутила запястьем под люстрой, камешки и отполированное серебро заиграли.

– Я назвала эту игру «полонез», как старинный танец, – неожиданно сказала я, и снова одёрнула себя: ты можешь помолчать? Кто тебя спрашивает? Танец, песня.... Без твоих комментариев она не разберётся!

Добрыня отвлёкся на минуту, чтобы сделать перевод. Бригитте сказала «Зер гут», довольная вернулась на место и что-то проговорила.

– Более чем романтическая натура. В твой адрес, Наташ. Фрау Майер сказала, что она сама такая же. Ей нравится твой подарок, он очень изящный.

Мужчины закончили разговор и начали прощаться. Мы обменялись с приятной парой тёплыми рукопожатиями и улыбками и покинули аудиенцию.

Народу в зале прибавилось, но мы приспособились к обстановке и с достоинством вышагивали по обе стороны от

Добрыни. Встреча с главой корпорации и его супругой была продолжительной, к тому же, я прижимала к себе важный документ. Высшее общество любопытничало ещё больше, скорее всего, все пытались понять: кто эти трое? Появились как джин из бутылки и, вдобавок, состоят в каких-то непонятных отношениях с большим боссом? Люди поворачивались в нашу сторону и с интересом разглядывали таинственное яркое трио, я же гордо вскинула голову и твёрдо печатала шаг в натирающих туфлях. Прошедшая личная беседа позволяла авторитетно утверждать, что мы на короткой ноге с одним из самых состоятельных людей в Берлине!

Дошли до своей стоянки у окна и я принялась вообразить сцену. Например, долгая задушевная беседа с Бригитте Майер в каком-то загородном поместье за чашкой кофе с маленькими пирожными. Мысль эта вдохновила и я сказала:

– Свет, ты понимаешь, что мы с ними задружили? Может, в гости ходить будем, пирогов напечём.

– Размечталась! Здесь не принято ходить по гостям, тем более, со своим курником, – со знанием дела изрекла подруга.

– Ну, так научим. Эка невидаль немецкие миллионеры! Да здешняя публика ещё сама к нам в друзья набиваться будет, вот увидишь!

– Так считаешь? – Светик ненадолго задумалась: – Почему бы и нет? Можно для элит организовать клуб по интересам. Наверняка, этим фрау дома заняться нечем. Прислуга

трёт полы и мебель, фитнес достал, хочется новизны, а тут мы со своими пирогами. Я могу свой фирменный «Наполеон» испечь.

– Девочки, давайте-ка, по шампанскому, потом разберётесь, кого себе в приятельницы выбирать, – усмехнулся Добрыня и подозвал официанта.

Вино было очень холодным и вкусным, хоть я и не любитель игристых напитков, но пила с удовольствием. Негромкие разговоры в зале не прекращались, постепенно люди начали собираться в круг.

– Что происходит? Хороводы будем водить? – спросила я. Не люблю непонятные обстоятельства. Всю жизнь, сколько себя помню, сразу начинаю нервничать. Как только проясню позиции, сразу успокаиваюсь и действую достаточно разумно и чётко. Светик поднялась на носочки и вытянула шею вперёд.

– Сейчас последует представление новых лиц на должности. Нужно подготовиться, герр Майер вас тоже будет приглашать, – ответил Добрыня. Он смотрел на наши удивлённые лица и наслаждался реакцией на такое заявления. Видимо, мы со Светиком ходили на моих котов, впервые увидевших печёнку. Пахнет хорошо, но есть страшно.

– А нас зачем?.. На работу, что ли, к себе берет? Что мы будем делать? Секретарями?.. Возглавим отдел по работе с Россией? Может, в службу собственной безопасности?.. А что, запросто! Нам доверять можно, – мы со Светой, посме-

иваясь, наперебой сыпали предположениями.

– Девочки, откуда такие высокие амбиции? Умерьте аппетиты. Вас приглашают в качестве почётных гостей. Нужно будет сказать ответное мерси.

Мы охнули в полном согласии, прекратили смеяться и занялись корректировкой причёсок и туалетов. Но если для Светы это лишний повод засветиться перед широкой общественностью, то для меня очередной невроз.

– Ничего говорить не буду, скажите спасибо, что вообще туда пойду. Итак мозоли набила, – бубнила я, поправляя волосы и прикрывая ими фингал.

– Я скажу. Мы счастливы присутствовать среди гостей и желаем всем приятного вечера! Так пойдёт? – взволнованная, но решительная подруга посмотрела на Добрыню, тот похвалил её: – Молодец, сестричка! Ты прирождённый оратор.

Супруги Майеры вышли в центр большого круга, гости заплодировали. Бригитте осталась чуть позади, а её муж приступил к торжественной речи.

– Он благодарит всех, кто сегодня собрался здесь. Отдельная признательность людям, которые поддерживали его много лет, друзьям, коллегам и так далее, – Добрыня переводил для нас.

Началась процедура представления на должности. Само собой, всё проходило на немецком языке. Мы со Светиком ничего не понимали, да и не нуждались узнать, кто из группы

товарищей получил новый портфель, но улыбались и хлопали в ладоши вместе со всеми. Неожиданно в иностранной речи я услышала знакомое словосочетание – Олег Стрельников. Добрыня двинулся вперёд, вышел в центр круга, пожал руку господину Майеру и заговорил.

– Рот закрой! На пойманную рыбу похожа, – зашептала мне на ухо Света.

Я подтянула челюсть, повернулась к ней и спросила:

– Что он там делает?

– Думаешь, я знаю? Одно из двух: либо наш Олежек важный гость, либо ему что-то светит. Склоняюсь ко второму, но ущипни на всякий случай.

Добрыня возвращался назад, учтиво огибая стоящих людей. Обрушиться на него с расспросами мы не успели.

– Идите, девочки, вас приглашают, – сказал он, подтолкнул нас и забрал у меня бумаги. – Не волнуйтесь, рядом буду.

Я машинально ухватила за Светкину ладонь, но она незаметно вырвала руку и просипела:

– Что за детский сад? Следуй за мной и копируй жесты, ничего больше от тебя не требуется.

Она поплыла, как зелёная бригантина, рассылая улыбки во все стороны. Я замешкалась и притормозила, но Добрыня легонько ткнул в спину – «Иди»! Пришлось собраться с силами и податься за Светой. Натянула что-то приветливое на лицо, во всяком случае, так мне казалось. Послышались овации. «Господи, как артисткам хлопают! А что делать-то? Вы-

ходили-то одни мужики! Как себя вести?.. Поклониться до земли?.. В книксене присесть?.. Опозорюсь перед всей честной компанией!»! Я настолько растерялась, что начала язвить сама себе, сердце отстукивало какой-то сумасшедший ритм.

Господин Майер, улыбаясь, что-то сказал по-немецки и по очереди пожал нам руки. Его супруг, посмотрела на меня и кивнула с ободряющей улыбкой.

– Он рад представить своих личных гостей из России фрау Светлану Войнову и фрау Наталью Максимову. Надеется на длительные и добрые дружеские отношения, – негромко сказал наш персональный переводчик герр Олег Стрельников. – Теперь ваше слово.

Мило улыбаясь публике и сложив изящно ручки, фрау Светка чётко выпалила домашнюю заготовку. Я скопировала её позу и тоже сцепила пальцы, дожидаясь окончания аутодафе. Как в тумане, смотрела на лица окружающих людей. Они расплывались тёмными и цветными пятнами, перед глазами кружилось, но ни один не расхохотался, вероятно, все очень хорошо воспитаны. Наше импровизированное выступление завершилось и под гром аплодисментов мы выдвинулись обратно. Я ничего не соображала, только подумала: Надо же! Так стараются, видимо, Светкина речь всем ужасно понравилась.

Мы вернулись к окну. Откуда-то вынырнул официант с шампанским, Добрыня раздал нам фужеры, я глотнула и, наконец, перевела дух.

– Отлично, девочки! Вы произвели фурор среди местной знати, – благодушный вожак похвалил нас и отпил глоток.

– Мы ещё и не так умеем! Дай только в Британию попасть, к королеве Елизавете, и там не оплошаем! – распалялась Света. Она надувалась спесью и посылала улыбки и взгляды окружающим мужчинам.

– Нет уж! Не оплошай, пожалуйста, без меня. Наелась досыта, на пять лет вперёд! – я категорически открестилась от её планов по покорению туманного Альбиона. С облегчением вытащила из туфли натёртую пятку и облокотилась на Добрыню. Он многозначительно взглянул на меня и заявил:

– Тебе нужно начинать учить немецкий, солнце моё. Придётся переступить через себя и регулярно присутствовать на таких мероприятиях.

– Ой, совсем забыли! – спохватилась я. – Что случилось? Почему ты один ходил, без нас?

Как выяснилось, герр Майер вёл переговоры с Добрыней в течение двух недель. Как предусмотрительный человек, старающийся окружить себя верными людьми после неприятного случая с партнёром, он предложил ему возглавить Департамент градостроительства. Безусловно, предварительно немец собрал досье на Олежку. Герр Стрельников принял предложение, и сегодня произошло его официальное назначение.

– Почему ты ничего не сказал? – обиделась я.

– Сюрприз готовил. Девчонки, на ваших хрупких плечах

я поднимаюсь на Олимп, – ответил Добрыня, обнял меня, поцеловал в висок и добавил: – А ты мой талисман с мозолями на пятках. Повешу на шею, чтобы не потерять. Поехали домой, обмывать будем!

Раздуть из мухи слона не удалось и мы со Светой рассмеялись.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Светик оставалась у нас до понедельника, а в воскресенье к десяти утра мы жидали Диму, сына Добрыни. Я не находила себе места с вечера, изобретая способы установления с ним добрых отношений.

– Расслабься, Димка парнишка хороший, весь в папашу. Вежливый до тошноты, в лоб ничего не вылепит, – просвещала подруга, разворачивая пласты теста для её фирменного торта.

– Возраст сложный, боюсь, ревновать отца будет. Олечка изнервничается, сама изведусь.

После долгих размышлений как покорить сердце подростка я пришла к заключению: пусть он хоть и не совсем взрослый, но тоже мужчина, а народная мудрость пока ещё никого не подвела, направляя женские стопы в сторону мужского желудка. Я проштудировала Агнешкину рецептуру, проверила наличие продуктов и успокоилась.

На следующий день проснулась в семь утра и принялась за работу, Светик с Добрыней подтянулись на запах после девяти.

– Чем это так пахнет? – спросил любимый мужчина, привалившись к дверному косяку, и сладко зевнул во весь рот.

– Польскими плюшками. Неделию назад хотела сделать, ты же не дал, – пояснила я, доставая первую партию из духовки. Он подошёл, взял одну горячую булочку и проглотил в один присест.

– Вкусно! – заключил и сразу же потянулся за следующей. Я шлёпнула его полотенцем по рукам и достала из холодильника маслёнку, хотелось порадовать ненаглядного.

– Их не так нужно есть. Вот посыплю сейчас сахарной пудрой, тогда, пожалуйста.

– Непр-равильно ты, дядя Фёдор, бутерброд ешь, – он процитировал известную фразу из мультика и стащил ещё одну булку.

– Ой, плюшки?.. Мои любименькие! – заспанным голосом сказала Света, входя на кухню в розовой шёлковой пижамке. Она пристроилась рядом с братцем и вооружилась столовым ножом.

– По три штуки, не больше, это для Димы, – предостерегла я.

– По четыре, – подруга торговалась с набитым ртом.

– По шесть, – поддержал Добрыня, добывая четвертую плюшку.

– Их всего двенадцать на листе, а ну, идите отсюда!

Пыталась отогнать их кухонным полотенцем, но они стояли возле рабочей поверхности как вкопанные и подбирали

крошки. Я пригорюнилась. Нахальная прожорливая саранча, такими темпами к десяти часам всё слопают.

– Нам надо замок на кухню поставить, срочно! Освободите помещение, следующую партию затолкаю!.. Ну, живо! – поторопила я и взяла противень с заготовками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.